

М. П. ПОГОДИН

ПОВЕСТИ
ДРАМА

Михаил Петрович Погодин

Суженый

Впервые напечатано в «Московском вестнике» за 1828 г., ч. VII, № I, с. 17–36, № II, с. 152–168, за подписью N. N.

Михаил Петрович Погодин Суженый

Иван Гостинцев остался сиротою после отца и матери. Эти бедные люди, мещане, промышляв кое-чем копеечку, сводили концы с концами и жили если не широко, то по крайней мере без большой нужды; зато сыну своему не могли они оставить в наследство ничего, кроме честного имени и ветхой избышки в Суцове, которая испокон веку принадлежала их семейству и вслед за ними склонялась к земле. — Сироту взял к себе на попечение, по святому обычаю наших простолюдинов, крестный отец, жестяник. У него рос мальчик, одаренный от природы многими способностями и духом твердым и отважным. Много малютка должен был принять горя в чужой семье, не под крылом у родимой матушки, часто утирал глаза кулаками и усмехался сквозь слезы — но все враждебные обстоятельства послужили ему в пользу: способствовали к удачному развитию его способностей и помогали ему выйти, как говорится, человеком. Так, например, почувствовав свою зависимость от посторонних, он начал очень рано искать во всех, услуживать всем и действительно оправдал русскую пословицу,

что ласковый теленок двух маток сосет. Все домашние и соседи любили Ваню — даже сама хозяйка, жестяникова жена, при всем своем недоброжелательном расположении, не давала лишних толчков приемышу в сравнении с родными детьми и не оделяла его ни блинами в родительские субботы[1], ни пряниками о праздниках. Когда минуло ему двенадцать лет, крестный отец, исполнив по мочи — по силе христианский долг и имея на шее кучу своих детей, стал думать о том, как бы пристроить куда-нибудь крестника, скорее с хлеба долой, и случай помог ему. Подле его дома жил богатый купец Тетюшин из панского ряду[2]. Сидельцы[3] брали иногда к себе веселого Ваню — позабавиться им на гулянках. Ваня пел у них песни, сказывал сказки, плясал вприсядку, кувыркался. Услышав от жестяника, что тот его себе не прочит, они предложили своему хозяину принять мальчика в лавку и расхвалили его смышленность и расторопность. Купец согласен был взять в годы[4], а жестяник рад был отдать в добрые руки, хоть в кабалу — и дело было слажено. Ваня, принимаясь таким образом за дело и

начиная собственными трудами, а не Христа ради снискивать себе пропитание, был очень рад, потому что он живо чувствовал горечь чужого хлеба. Ваню остригли, на Ваню надели байковый неразрезанный сюртук, которого полы доставали до земли, Ваню поставили к лавке, и Ваня чрез полгода так хорошо познал свою новую должность, так коротко познакомился со всеми ее приемами, что ни один из его товарищей не смел вступать с ним в состязание, когда он, сняв с головы своей плисовый поношенный картуз, раскланиваясь в пояс и махая руками, заклинивал своим звонким голосом покупателей в хозяйскую лавку. «Пожалуйте, барин, у нас дешевые шейные платки, черные и белые, жилеты гарусные и матерчатые, помочи, перчатки. Пожалуйте, барыни, у нас есть кисеи, миткали, канифасы, каленкоры, ситцы, батисты — пожалуйте сюда, пожалуйте!» — и покупатели, привлекаемые пригожим личиком и приятным альтом мальчика, охотно шли в лавку, и приказчики не успевали у них обирать деньги и рассчитывать. «Да, мальчишка счастлив», — заметил хозяин и в знак свое-

го благоволения позволял ему пить иногда на свой счет у сбитенщика. — Зато доставалось бедняге от соседских сверстников, у которых он часто отбивал покупателей и которым хозяева кололи глаза тетюшинским Иваном. «Вишь проявился какой образчик, выскочка!» — говорили они между собою. — «Чем мы хуже его?» — и при всяком удобном случае в потемках, из-за угла, разделявались с образчиком по-свойски и на его спине и боках вымещали свои упреки. Ваня терпел, но не унывал и умным своим поведением укротил наконец своих сердитых соперников и внушил в них, как обыкновенно случается, должное к себе уважение. — Всех довольнее Иваном был хозяин, который года через три произвел его из мальчиков в сидельцы, начал отправлять на ярмарки и назначил ему приличное жалованье. Иван удвоил свое старание. Всегда трезвый, всегда исправный, раньше всех приходил он в город и, помолившись на Спасские ворота, а потом рядскому образу, садился за прилавок; и позднее всех, с последними разносчиками, которые оставались для распродажи своих остатков, забирался из лав-

ки; вел счета с точностью и верностью, и хозяин вверил ему наконец большие капиталы и назначил первым своим приказчиком. Таким образом в продолжении нескольких лет он составил себе из жалованья, подарков по выручке и пр. порядочный капиталец, который, с согласия своего хозяина, пустил в оборот. Между тем Иван Гостинцев любил и другие занятия: он был мастер петь по нотам на клиросе, ко всякому воскресенью находил новый концерт и отличался на диво всем прихожанам вместе с своим наборным хором в богатой приходской церкви. — Выучившись кое-как грамоте еще в мальчиках, он сделался великим охотником читать, брал себе по праздникам разные романы из библиотеки Немова и убедил некоторых своих рядских товарищей подписаться, сложившись, на получение «Московских ведомостей» и «Сына отечества» с прибавлениями. В этом отношении он сделался оракулом политических новостей для своего ряду. Всякое воскресенье рассказывал он им, как колотит Бонапарт австрийцев, как бушуют в Цареграде янычары[5], как торгуют Американские Штаты, какие машины

выдумывают, до чего доходят хитрые англичане. «Эка петля! эка удача! все знает!» — шептали старики и внимательным ухом слушали занимательные рассказы Ивановы и важно судили за своими прилавками о современных событиях. Наконец, он любил и погулять подчас с товарищами: никто не был забавнее его на пирушках, когда, бывало, начнет он точить балы или представлять разных покупателей, перецыганивать старых приказчиков, играть комедию; до театра он был страшный охотник и никогда не пропускал бенефисов, о достоинстве которых судил он обыкновенно с своими товарищами по длине афишек. В вечерни по очереди они отправлялись в театр в доме Апраксина, на Знаменке; приступом осаждали трибунал капельдинера, продававшего билеты в раек, и всегда занимали первые места на первой лавочке подле амфитеатра. Там не жалел он уже своих ладошек, и многие актеры наши обязаны были преимущественно его громкому голосу если не своею славою, то по крайней мере своим частым вызовом на сцену.

В таком состоянии был Иван Гостинцев и

дела его пред тем происшествием, которое я хочу рассказать моим читателям.

Однажды в воскресенье, идучи из коммерческого банка, куда хозяин посылал его за справками о протесте векселя, зашел он к обедне к Николе в Хлыново. Достойна[6] уже отошла; ему стыдно было идти вперед; он остановился в трапезе, положил по обычаю несколько поклонов и поклонился на все стороны. В углу, перед местным образом, стояла девушка в черном атласном салопе на лисьем черно-буром меху, в тафтяном розовом платочке, который чуть-чуть накрывал ее маковку и готов был слететь при малейшем дуновении ветра. Взоры Ивановы невольно остановились на ней. Большие голубые глаза навывкате, густые брови дугою, темно-русые волосы, щеки — кровь с молоком, высокая ростом, стройная. Гостинцев, воспитанный в страхе божием, в первый раз позабыл свою молитву, уставился на красавицу и не мог отвести глаз от нее. К счастью, он стоял в толпе народа и, не нарушая приличий — впрочем, он уже об них не думал, — мог оставаться долго в таком положении, не быв замеченным. — На сердце

у него происходило новое, странное: оно и трепетало, и останавливалось, и совсем замирало... Иван! мой добрый Иван! что с тобою делается? или увидал ты невзначай, кого душа дожидалась?

По окончании обедни он выждал, пока его красавица вышла из церкви с одною пожилою женщиною, вероятно своею матерью, повязанною темным шелковым платком на голове; пошел издали за ними и проводил их до дома, каменного, высокого. Долго стоял он после у ворот, сам не зная зачем, и смотрел на подпись: № 317, первой гильдии купца Максима Григорьева Чужого, Тверской части, 3 квартала. Наконец он опомнился и пошел в неопределенном раздумье домой.

Во всю следующую неделю темно-русая красавица не выходила из головы у него: и отмеривая кисею, и подводя итог в счетной книге, и смотря на Лисицына[7] в «Филаткиной свадьбе»[8], и на шумной вечеринке с товарищами он задумывался и думал об ней. «Что попритчилось нашему Ивану Дорофеичу?» (так уже честили его) — говорили об нем домашние и ума приложить не могли для

объяснения.

На следующее воскресенье, лишь только в соборе ударили в большой колокол к обедне, он отправился в церковь, где увидел в первый раз свою красавицу и, выбрав выгодное для себя место в приделе, откуда мог обозревать все удобно, притаился за столбом. Как билось его сердце при всяком шуме у двери! Он едва переводил дыхание и беспрестанно оглядывался. Уж кончился благовест, уж бойкие два дьячка прочли часы[9], уж начали звонить; народ собрался; он смотрел на всякого приходившего, на всякую приходившую. Не она, не она, не она... Ах... она! Гостинцев затрепетал.

Девушка стала с матерью на прежнее место и не отводила глаз от образа, пред которым молилась. Она показалась ему еще прекраснее. Он был весь во внимании. Ни одна ямочка, ни одно родимое пятнышко, ни один рубчик на лице ее не укрылись от его пронизательного взора. С какою набожностью она стояла, как усердно молилась! Глаза ее часто наполнялись слезами. Вещие были эти слезы для молодого человека: ему почудилось, что

девушка об нем молится богу, и он сам заплакал, сам с пламенным чувством стал молиться об ней.

— Ты моя, — сказал он, как будто вдохновенный, почти вслух, кончив свою молитву, — жить с тобою или умереть без тебя. Господи! помоги мне. — С сим словом он вышел из церкви как человек, принявший твердое намерение, избравший решительные средства и желающий стремиться к цели, не тратя ни одной минуты в бездействии. Прямо отправился он к дому Чужого. К счастью, дворник в это время отгребал лопатою снег с тротуаров; но, к несчастью, этот олух как две капли был похож на некогда знаменитого, теперь забываемого Фаддея в «Сбитенщике» Княжнина[10] — и Гостинцев, искусно вступив с ним в разговор, мог узнать только то, что у купца Чужого есть одна дочь, что он торгует в суконной линии, что она вместе с матерью теперь у обедни. От него прямо в город. Там собрались уже все сверстники и ожидали его с нетерпением, чтоб узнать от него, по обещанию, в чем состоит континентальная система, которую Бонапарт хотел подши-

бить Англию[11].

— Что, брат, Иван Дорофеич, с тобою сделалось? Спеваться и к обедне не приходил к нам, а мы без тебя как овцы без пастыря; да и теперь опоздал: двенадцать часов, пора обедать, мы все перезябли.

— Виноват, братцы, — отвечал Гостинцев, — захлопотался за хозяйскими делами. Так и быть — верно до завтра отложить нам толки об англичанах, а теперь покамест покалякаем об чем-нибудь о своем. Что, нет ли у вас чего нового?

— Чему быть?.. В суконной линии только нынче ночью хотели было хорошие люди палатку разбить. Вот нам молодец рассказывал теперь.

— Уж не у Чужого ли? — подхватил сметливый Гостинцев.

— Нет-с, — отвечал молодец из суконной линии, — к Чужому не сунутся, у него палатка за семью замками да за семью запорами.

— Разве осторожен он больно?

— Не без того-то-с.

Общий разговор обратился на этот предмет, а Иван Дорофеич между тем искусно уха-

живал за суконщиком и выспрашивал его. Слово за слово, он выведал таким образом у нового знакомого, что у Чужого капиталу в обороте пятьсот тысяч рублей, сверх того, есть много вотчин[12] по разным рядам; что он никому не должен, очень скуп, нравом крут и высокомерен, охотник до лошадей; что жена у него женщина простая, ходит в платках, а не в немецком платье; что у них есть всего-на-все одна дочь, красавица (это уже не новость для Ивана); что эту дочь они любят без памяти и оставляют ей по смерти все свое имение. «Не надо мне вашего имения, — думал про себя Иван, — мне девушка полюбилась, а имение — дело нажитое».

С сими известиями, как новыми данными для соображений, воротился он домой, распрощавшись с товарищами, перехватил кое-что за обедом и тотчас после убрался в свою каморку, сел за маленьким столиком, оперся на локоть и стал додумывать свою важную думу. Долго ли, коротко ли он думал, до этого нам дела нет. Мы скажем только, что он не определил своего плана окончательно, а решился, не спеша и не мешкая, ожидать всего

от случая, пользоваться им и искать его. Свататься же прямо за богатую вотчинницу не смел и думать бедный приказчик. Между тем — «стояньем города не возьмешь!» — воскликнул он, вставши, надел свою бобровую шапку и отправился на Никитскую шататься около дома Чужого и искать вождеденных обстоятельств.

В три часа отворяются ворота, выезжают лаковые сани, запряженные парюю добрых вороных лошадей, которые лоснились, как атлас, в хомутах с серебряным прибором. Кучер с черною окладистою бородою, в синем кафтане и лосиных рукавицах, сидел величаво, одною ногою наруже и приготовлялся кричать на прохожих. Пристяжную, которая сгибалася кольцом и рыла землю мордой, правил сам хозяин, стоявший назади в енотовой шубе, подпоясанный шелковым богатым кушаком. В санях сидела мать с дочерью, разряженною, как куколка.

Не успел еще наш Иван вздохнуть и проводить их глазами вниз по Никитской, не успел сказать себе: «Ладно, хозяев теперь дома нет, познакомимся в доме», — как вдруг выскочи-

ли из ворот две девушки в коротеньких шубках, в цветных платочках и расположились на лавочке подле калитки глядеть на прохожих. Вслед за ними показалась старушка в треухе и с муфтою. — Мимо на ту пору проходил разносчик с коврижками, миндалями, конфетами. Мой удалой тотчас подвернулся к нему, остановился и начал торговать грецкие орехи.

— Не худо бы доброму молодцу, — сказала одна девушка повострее, — попотчевать и нас для праздника.

— А почему бы и не так, красные девицы? — отвечал Гостинцев — (Филат тому и рад) — и тотчас поднес им сверток с конфетами, взяв его без торгу у разносчика.

— Помилуйте, да мы шутили, нам совестно.

— Что вы это делаете, проказницы? — закричала старуха, окрысаясь на молодиц. — Ах, мои матушки, уж с незнакомым человеком начали растарабарывать. Вот какова удаль!

— Ничего, сударыня, не извольте гневаться, — нынче день праздничный; прошу вас покорно откусать; от хлеба-соли не отказывайтесь.

ваются, — и с поклоном начал всех их потчевать. Те понекались, понекались, наконец взяли по немногу.

— А у вас сейчас съехала со двора пара — что за кони! — сказал он, заводя речь и оборачиваясь к старухе, между тем как разносчик, которому нарочно была дана крупная ассигнация, искал ему сдачи.

— Хозяева выехали на бег — покатать мою Дунюшку.

— Дунюшку?

— Да, они скоро и воротятся: что-то снег порошит, а на Афимье Федоровне салоп-ат новый, с иголки. — Позевайте, позевайте, девки, да и в хоромы: надо ведь убирать кое-что.

Между тем разносчик разменял бумажку в ближней мелочной лавочке и принес сдачи. Иван, разочтясь с ним и сказав еще несколько слов со старухою и девушками, рассудил за благо не оставаться больше с ними, чтоб не навести подозрения, и, довольный тем, что на первый случай завел знакомство, распростился с новыми знакомыми, оставя их в полном удовольствии рассуждать о его любезности и живости.

Таким образом явилось новое лицо на его сцене. План его стал определяться. На няню Дунину устремил он свое внимание как на полезное орудие; чрез нее хотел он завести связи с своею красавицею. — Для этого надо было сперва приобрести полную доверенность старухи и обеспечить успех с этой стороны. Вот первая задача.

Гостинцев до такой степени занят был всегда настоящим делом, ближайшими средствами, что вовсе позабывал на время о цели. Он стал ходить всякое воскресенье в Хлыново и всякий раз здоровывался, разговаривал с нянею; потом подослал старушку, будто бы тетку свою, для знакомства с нею, чтоб иметь случай угощать их вместе и выведывать разные домашние подробности. Наконец уже он решился показаться Дуне.

Однажды в последнее воскресенье пред Рождеством, после обедни, когда уже он начертил для себя план действий и, уверенный в старухе, собирался подпустить ей турысы на колесах, чтоб выхлопотать себе первое свидание, она предупредила его неприятным известием, что к Дунюшке присватывается бога-

тый жених из железного ряда, пожилых лет, вдовец, с четырьмя детьми, что имения у него несть числа, что дом у него в Таганке — полная чаша, что имя его мудреное она позабыла и что через пять дней накануне сочельника назначен смотр.

— Да милости просим, — сказала ему старушка по сообщении сего известия, — ко мне чайку напиться во вторник после Рождества: я именинница, и с Аксиньей Игнатьевной (имя его мнимой тетушки): хозяев дома не будет. Они тоже уедут в Сыромятники, на званый обед.

Иван простился с нею, обещав поздравить ее в день ее ангела.

Он не унывал духом, хотя полученная новость и не слишком могла его обрадовать. С нетерпением ожидал он назначенного дня, чтоб узнать о последствиях смотра. «Дуня молодая, — думал он, — жених — старик, вдовец, с кучею детей, нечего бояться. Между тем я узнаю при этом случае короче об ее расположении и... и... Иван, не унывай!»

Во вторник, в день св. Анисьи, Гостинцев отрезал 8 аршин самого лучшего плотного и

тонкого ситцу, и лишь заблаговестили к вечерне, отправился с подарком к имениннице с своей родственницей.

— Добро пожаловать, милости просим, дорогие гости, а я уж ждала вас, ждала, все глазоньки проглядела в окошко. Уж думала, что и не пожалуете к старухе. — Садитесь, дорогие гости, сюда, под образа. — Началось потчеванье. Гости, то есть Иван Дорофеич и его тетушка, приходская просвирня[13] и домашние сенные девушки, говорили о разных разностях, и наконец разговор обратился на намеднишний смотр.

— У вас, знать, был пир горою? — спросил мимоходом Гостинцев.

— Не без того-то, — отвечала няня. — Жених приехал сам-четверт, все богачихи, в бриллиантах да в шальях, на-поди и у нас Максим Григорьевич себя лицом в грязь ударить не любит. Уж коли сделает когда пир, так на весь мир: редко, да метко.

— Ну что же? понравился ли жених?

— Нельзя сказать. По-нашему — так уж ведет себя он очень великотно: никому не поклонится, так только что головою кивнет, не

В пояс, неразговорчив, к невесте не ласков во все. Сидит себе, уставясь глазами, да и только. Хозяину больно хочется за него выдать нашу Дунюшку. Слышь ты, во всем ряду он первый, и заводы есть с душами, денег вволю. «Если не будешь ты за ним, — сказал он дочери после ужина, — нет на тебе моего благословения». Афимье Федоровне — так жалко: у жениха есть мать, хозяйка в доме. Наша уж будет при ней ни в чем, на все из рук смотри, а свекровь не то ведь, что мать родная, пляши по ее дудочке. Дунюшка у нас воспитана во всяком удовольствии, нежно — где же ей привыкать к такому житью? — судите сами. К тому ж и ребят у жениха куча, а тут пойдут свои — все не ладно.

— Что же говорит невеста? — спросил Иван Дорофеич.

— Невеста наша, моя голубушка, света божьего не взвидит. И руками и ногами. Противен он ей, как горькая редька. Боится только сказать отцу. Уж мы ее и так, и сяк — слышать не хочет, плачет да вопит. И то сказать — девке шестнадцатый год, а жениху под пятьдесят. Собою она у нас как маков цвет, а

он такой нешто суровый да грозный. Боится, моя сердечушко. Богат он шибко — вот только за тем и гонимся. Я наплакалась давеча на мою Дунюшку: уже она и богу-то молится, и в карты загадывает, и ворожей к себе призывает. Вчера была у нее какая-то из Рогожской, рикиминдовала подружка от соседей. Но Дунюшка проказит все потихоньку от матери, да и моего греха тут много. Что будешь делать? покаюсь пред богом. Пристала ко мне намедни, в ноги повалилась — жаль стало девки, согрешила, заперла здесь с ворожейкой. С час все они толковали. Насилу-то розняли их. В субботу на новый год будет она как-то гадать в бане и звать к себе суженого.

— На новый год будет она гадать! — воскликнул громким голосом Иван, как будто счастливая мысль осветила мрак, в его голове носившийся.

— Да, да, — отвечала няня, — она мне рассказывала, как и гадать будет, да уж я позабыла: память-то у меня нынче плоха стала.

— Где, где ваша баня?

— Да вот из окошка видна, в саду, подле забора.

— Славно, — сказал Иван, — я... — спохватился тотчас и замолчал. Между тем дворник подал самовар. — Но мы оставим за чаем веселую компанию, в которой наш Иван Гостинцев, занятый своими мыслями, начал играть уже страдательную роль, переменим декорации и выведем теперь на сцену новые лица.

Дунюшка была, как у нас говорится, детищем выпрошенным и вымоленным, нанетным; родители ее ровно пятнадцать лет по сочетании своем браком не имели у себя никакого племени и горько плакались богу. Тщетно каждый год Афимья Федоровна ходила пешком на богомолье к Троице-Сергию и в другие подмосковные монастыри, пела молебны пророку Самуилу, принимала к себе странных[14] монахов и монахинь и наделяла их избытками от укрух[15] своих; тщетно каждый день почти советовалась с разными ворожейками и лечейками, брала у них снадобья себе для употребления, корни, зелья, наговоренную воду, ладонки — ничто не помогало, и супруг ее отчаялся наконец иметь у себя вожделенного наследника. Читатели мо-

гут судить теперь, каково было восхищение супругов, когда на столь долговременном ожидании родилась у них дочь. Они смотрели на свою Дунюшку как на ненаглядное сокровище, как на знак милости божией, как на доказательство того, что и их грешные молитвы доходят до отца небесного. С сими мыслями сообразовалось ее воспитание, которое добрые люди принимали, разумеется, в смысле чисто вещественном: все усилия свои устремляли они сперва на то, чтоб дочка их была здорова, румяна, толста, весела — для этого приставили к ней кроме кормилицы несколько мамок и нянек, держали ее в хлопках, не выносили на ветер, беспрестанно пичкали всякою всячиною, ни в чем не поперечили, предупреждали всякую слезку — потом, чуть стала она на ноги, начали рядить ее во всякие материи, надевать на нее бриллианты и жемчуги, возить по гостям, готовить приданое и толковать с нею об ее красоте и женихах. «Дом у тебя, Дунюшка, — твердила ей мать беспрестанно, — будет каменный, о двух этажах, с большим садом и оранжереями, лошадей четверня, карета — не карета,

коляска — не коляска, шляпки, салопы, платья все — от французенок с Кузнецкого мосту [16], жить ты будешь во всяком удовольствии и пышности». «За миллионщика отдам я свою Дуняху, — говорил отец, — за купца первостатейного, и тогда узнает Голова, каков Чужой». Дочь, получив от природы сердце доброе, чувствительное, но не пылкое, мало расположения к гордости и вообще к пороку, слушала равнодушно такие речи — не портилась от дурных впечатлений, — думала о свадьбе как об обновке, как о таком деле, которое у людей ведется и ее не минется, — проводила свое время среди женских занятий, тихо и спокойно, повинувшись во всем беспрекословно своим родителям; хотя, по страсти их к себе, и могла бы в иных случаях обнаруживать свою волю. — Лишь только минуло ей тринадцать лет, как со всех сторон женихи, и большой руки, и средней, начали засылать свах в дом к Чужим. Старики радовались такой чести, такому счастливому признаку, хвастались числом женихов, но были весьма взыскательны в своих требованиях и поочередно провожали их с честными отказами. Так про-

должалось в течение двух лет.

В конце сей-то эпохи увидел Дуню приказчик Иван Гостинцев и присватался к Дуне купец Дроздов, который узнал ее на званом обеде у одного общего родственника в дальнем колене и захотел непременно иметь свою женою. Чужой был вне себя от восхищения, услышав это желание от богача, о котором шла слава по всему городу, у которого на железных заводах оказались незадолго пред тем прииски золотой руды. Тотчас известил он об этом жену и дочь, во всем готовую исполнять родительские повеления. Мы знаем уже, что назначен был смотр, знаем, чем он и кончился. — Здесь прибавим только, что Дуня, вовсе не думавшая сначала о сопротивлении, при первом взгляде на жениха почувствовала к нему непреодолимое отвращение, которого объяснить сама себе была не в состоянии. Лишь только вошел он в гостиную, она побледнела, задрожала и упала бы в обморок, если б подоспевшая мать не успела посадить ее на стул. Бедненькая! — Как будто бы злой дух ее жизни представился глазам ее. — Во весь вечер не смела она поднять глаз на него

и сидела, потупившись, как к смерти приговоренная. Все заметили это, даже отец, который отроду никогда не обращал внимания на женские вычуры, и по разъезде гостей, чтоб предупредить всякие отговорки, объявил решительно дочери свою волю. — О положении Дуни после этого несчастного смотра нечего говорить больше того, что известно уже читателям из разговора ее няни с Гостинцевым.

Вечером на новый год собралось к Чужому множество купеческих девушек на игрище. В пять часов среди шумного веселия беззаботной молодости начались игры, гадания, песни, пляски. Девушки разделились на купы. Одни составили кружок, взяли блюдо с хлебом и солью, углем и глиною из печи, положили на него по кольцу, перстню и серьге и начали петь святочные песни. После каждой песни вынималась с блюда, закрытого полотенцем, какая-нибудь вещь, и по содержанию песни судили о судьбе той, кому принадлежало вынутое. Счастливее всех, по общему приговору, была соседка Дунина, которой пропелась самая благоприятная песня:

Идет кузнец из кузницы,

*Шубенка на нем худехонька,
Одна-то пола во сто рублей,
А другая пола в тысячу,
А всей шубенке цены нету:
Цена-то ей у царя в казне,
У царя в казне, в золотом ларце.
Да кому мы спели, тому добро;
Кому вынется, тому сбудется,
Тому сбудется, не минуется.*

Нашей Дуне досталось что-то двусмысленное, растолкованное в разные стороны:

*Ах ты, гнущее деревцо, черемушка,
Куда клонишься, туда склонишься.*

Матери непременно хотелось услышать что-нибудь утешительное, верное, и она упростила девушек, против постановления, поставить Дуню опять в черед, и ей пропелось:

*Растворю я квашонку на донушке,
Я поставлю квашонку на столбушке,
Я покрою квашонку черным соболем,
Опояшу квашонку красным золотом.*

*Ты взойди, моя квашонка, пол-
ным-полна,
Полным-полна, со краями равна.*

Другие девушки, вопреки запрещению старух, лили в воду олово, свинец, воск; прочие играли в фанты. Самая забавная игра была в молчанку: в кругу по очереди становилась девушка, делала всякие странные телодвижения, одни за другими без остановки, кривлялась, скакала, прыгала. Прочие должны были подражать ей, а неуспевшие платили фанты. Игры прерывались беспрестанно теми девушками, которые прибежали со двора и рассказывали тамошние похождения. Одной на воззвание: «Залай, залай, собачонка, завой, серенький волчок», — слышался вой и лай вблизи, другой вдали, третьей ни вблизи, ни вдали; четвертой встретился Онисим, пятой Дормидон; шестая слышала под закормом, как мелют жернова на мельнице, как пересыпают хлеб в житнице, как молотят цепами на гумне; одной, напротив, почудилось погребальное пение, у другой башмачок лег носком к воротам, и бедняжке сгрустнулось о том, что не быть ей в том году замужем. По-

други стали утешать печальных, ласкать, щекотать. Иные побежали нарочно к поленице, приволокли с собою длинные, кривые, суковатые поленья и жаловались, что у них будут такие неуклюжие мужья. — Наконец принесли с насести курицу и рассыпали пшена по полу на столько кучек, сколько девушек было в комнате. Дунину кучку курица начала клевать прежде всех, все приступили к ней с поздравлениями, предрекая ей скорое замужество, и пропели ей следующую свадебную песню:

*Не долго цветочку во садике цве-
сти,
Не долго веночку на стопочке ви-
сеть,
Не долго Авдотьюшке во девуш-
ках сидеть,
Не долго Максимовне во красных
сидеть:
Гордись, гордись, батюшко, не от-
давай,
Поколь тебя, батюшко, зять по-
дарит;
Подарит тебя, батюшко, тремя
сукнами,*

Тремя сукнами багрецовыми.
Не долго цветочку во садике цве-
сти,
Не долго веночку на стопочке ви-
сеть,
Не долго Авдотьюшке во девуш-
ках сидеть,
Не долго Максимовне во красных
сидеть:
Гордись, гордись, матушка, не от-
давай,
Поколь тебя, матушка, зять по-
дарит;
Подарит тебя, матушка, зять
тремя парчами.
Из беленькой сшей мне, матушка,
юбочку,
Из голубенькой сшей мне, матуш-
ка, душегреечку,
Из аленькой сшей мне, матушка,
епанеечку.

Унылая Дуня брала притворное участие в шумных играх веселых подруг своих и беспрестанно поглядывала на стенные часы, чтоб поскорее исполнить свое намерение, нам уже известное. С малых лет привыкнув ко всяким предсказаниям, полагаясь на слова

старухи, которая отгадала той-то и той-то ее знакомой и непременно обещала выслать к ней суженого, Дуня твердо была уверена, что узнает будущую жизнь свою в полученном гадании. «Если суженый, — думала она в простоте души своей, — явится ко мне в образе жениха моего, нечего и спорить мне с родителями: придется горемыке век вековать с постылым. Если явится иначе, так я не буду за ним, несмотря ни на какую неволю на свете».

Лишь только ударило одиннадцать часов, она потихоньку ушла от подруг своих, забрала все нужное и отправилась в холодную баню.

Там перед окошком в предбаннике, против двери, дрожа от страха и вместо молитвы произнося шепотом, по наставлению старухи, какие-то чародейные, непонятные для нее самой слова, от которых у ней волосы становились дыбом, зажгла она лучину, придвинула стол углом к стене, накрыла чистою скатертью наизнанку, поставила, крест-накрест ножами, два прибора и три кушанья странным образом изготовленные: пирог, посыпанный золою, с икрою и петушиными гребешками,

щи на хлебном вине из горьких кореньев, с рыбою, кашу из гусиных печенок с уксусом и деревянным маслом, — обошла кругом стола три раза, нашептывая те же слова... потом поставила зеркало в углу между приборами... села перед ним... и громким голосом... расстановисто... произнесла ужасные слова: *суженый, ряженный, приди со мной ужинать!*

Ни жива ни мертва, чуть переводя дыхание, почти без памяти, уставилась она после этого действия неподвижными глазами в зеркало; беспрестанно протирала его чистым полотенцем и со страхом и трепетом ждала рокового явления. Могильная тишина царствовала вокруг ее. Лишь изредка трещал мороз под окошком... вдруг на Спасских воротах бьет 12 часов... полночь — время грозное и страшное... комната в голове вверх дном переворачивается... колени подгибаются... чистое зеркало начинает тускнеть, тускнеть, тускнеть... в сенях слышится стук, шум, гром... Ах!.. настежь растворяются двери... является суженый...

Тихо входит он в комнату, как дух бесплотный, указывает Дуне место за другим прибором.

ром и садится ужинать. В торжественном безмолвии продолжалась их чудная трапеза. Дуня раз только взглянула на него при его появлении и увидела, к своему восхищению, что это не противный вдовец ее. Сердце у ней отдохнуло. Она собралась с духом и почувствовала даже какое-то приятное удовольствие. Кончив ужин, незнакомец встает с своего места, приближается к ней, взглядывает на нее какими-то глазами не человеческими, снимает с руки ее кольцо, надевает на нее свое, крепко жмет ее руку и целует ее три раза...

— Ты моя, — начал было он говорить ей...

— Чур сего места, чур сего места, чур сего места! — воскликнула испугавшаяся девушка — и дух исчез... она без памяти покатила на пол.

Между тем дома хватились Дуни. Искать ее туда-сюда — нет нигде. Все переполошились. Никто не мог придумать себе, куда она девалась. Обегали весь двор, монастырь, все перекрестки. Наконец уже ополоумевшая старуха вспомнила, что ее воспитанница хотела гадать в бане и звать к себе суженого. Все кинулись туда. Что же увидели там, в дыму, при

слабом свете потухавшей лучины?

Бедная девушка пластом лежала на полу, бледна, как полотенце, глаза закатились, дыхание остановилось. У всех опустились руки. Мать невзвидела света божия и начала над нею вопить и приговаривать, как над покойницей. Прибежал отец и испугался не меньше ее. При всех своих предрассудках он любил дочь со всею родительскою горячностью, и здоровье ее было для него драгоценно. Насилу-то образумились некоторые девушки и принесли холодной воды, начали ее вспыскивать, тереть виски спиртом, и Дунюшка с усилием открыла наконец смутные глаза.

— Где он, где он? — произнесла она, озираясь ими вокруг, и опять закрыла их. Однако ж признаки жизни сделались явственнее. Ее подняли на руки и отнесли бережно в комнату, на постель. Целую ночь сидели над нею отец, мать и няня, плакали и молились. Девушки, которым очень хотелось узнать, как являлся Дуне суженый, также не выходили вон из комнаты. Наконец перед рассветом она очнулась и встала, как ни в чем не бывавшая. Все приступили к ней с вопросами о при-

чине обморока.

— Я ничего не помню, — отвечала она решительно, и любопытные девушки разошлись спать, рассердясь на нее за то, что она запирается. Но оставшись наедине с своими, она пала в ноги к своим родителям.

— Милостивый государь батюшко! и милостивая государыня матушка! — сказала она им жалобным голосом, — я чувствую все ваши ко мне милости: вы меня родили, вы меня воспитали, вы мне жалуете богатое награждение. Никогда не выходила я к вам из повиновения, и ныне готова была выйти за жениха, вами нареченного, хотя, простите меня великодушно, он не полюбился мне с первого взгляда. В лютой моей горести, чтоб узнать наверное и поскорее бесталанную долю свою, я, с наставления и совета знающей ворожейки, позвала к себе в двенадцать часов суженого. Он явился ко мне, ужинал со мною, снял с руки моей кольцо, надел свое и сказал мне: «Ты моя». Он сказал мне правду, милостивый государь батюшко и милостивая государыня матушка! Слова его отозвались у меня в сердце. Делайте со мною, что вам угодно; но не

выдавайте меня за Петра Григорьевича, не погубите заживо. Лучше уже постригусь я в монахини и буду молиться за вас богу и святым угодникам.

Отец и мать слушали со вниманием длинную речь своей любезной дочери и были очень тронуты ее жалобами.

— Видно, не угодно богу, — сказала наконец мать задумавшемуся отцу, — чтоб Петр Григорьевич был нашим зятем!

— Да не почудилось ли тебе, Дунюшка? — сказал он, поднимая с коленей дочь свою.

— Нет, батюшка, раз я взглянула на него, но с одного раза вид его врезался мне в память. Ростом он высок, лицом чист, волосы русые. Он в лисьей шубе, крытой синим сукном, в бобровой шапке. Вот и кольцо его.

— Поддай сюда. — Старик действительно увидел большое золотое кольцо с вырезанными буквами И. и Г. Он покачал головою в недоумении и сказал наконец Дуне:

— Неволить тебя не хотим. Ты у нас и вся тут. Мы откажем Петру Григорьевичу — и будем дожидаться твоего суженого, — прибавил он, улыбаясь.

Этот суженый не заставил дожидаться себя долго. Читатели и без надписи на кольце узнали в нем удалого Гостинцева. Услышав от старухи о предположенном гаданье Дуни и узнав еще прежде о суеверном духе всего семейства, он вздумал воспользоваться всеми сими обстоятельствами, и по пословице «или пан, или пропал» разыграть бесовскую комедию. Мы видели, какое сильное впечатление произвел он в уме простодушной девушки и какие благоприятные для него следствия повлекло за собою сие впечатление.

Гостинцев был вне себя от радости, услышав чрез свою тетку о всем происшедшем, и решился ковать железо, пока оно горячо. — Что же выдумал еще, на какие хитрости поднялся проказник?

В первое воскресенье после этого происшествия, лишь только пономарь отпер двери, Гостинцев в том самом платье, с тем кольцом на руке, которое снял он с Дуни, явился в Хлыновской церкви и стал именно на том месте, на котором обыкновенно стаивали мать с дочерью. «Мое присутствие здесь, — рассчитывал он, — авось почтут чудом, и победа моя

решена».

Не правда ли, скажем и мы от себя, что молодец наш искусно расположил свои действия, и всякий, не Чужим чета, был бы поражен подобным странным явлением?

Все исполнилось по его желанию. Входит мать с дочерью...

— Ах! матушка, вот он, вот он! — воскликнула Дуня, увидев на своем месте знакомого незнакомца; боязнь и радость волновали ей сердце. Мать остановилась и с удивлением стала рассматривать его и поверять прежнее описание Дуни. В это время вошел в церковь отец и хотел было пробираться сквозь толпу на клирос. Жена указала ему на суженого. Он остолбенел от удивления. Между тем Гостинцев молился с усердием, и от чистого сердца, прибавим ему в оправдание, — никуда не оглядывался, стоял чинно.

— Богу так, видно, угодно, каким бы то образом это ни сделалось, спроста или неспроста, — сказал старик своим по окончании обедни, — ступайте домой и ждите гостей.

Он подошел к Гостинцеву, сбиравшемуся

также из церкви.

— У нас есть дельце до вас, государь мой, покорнейше прошу ко мне на чашку чаю.

— С большим удовольствием, сударь, если я чем могу служить вашей милости, — учтиво отвечал приглашенный — и они отправились...

Я не думаю, чтоб нужно было здесь рассказывать, каким мелким бесом рассыпался гость перед хозяином, — с каким искусством умел прикрыть низкое свое происхождение — изукрасить настоящее свое звание — с какою вежливостью и обстоятельностью отвечал на его вопросы (кроме только сделанных в то время, когда из дверей ближней комнаты кто-то стал на него выглядывать). — Читатели легко могут представить себе эти подробности. — Старик был очарован им и решился на последнее испытание.

— Скажите, батюшко, не случилось ли чего с вами на новый год?

— На новый год я был в гостях у своего хозяина, но на другой день произошло странное: я увидел у себя на безымянном пальце чужое кольцо вместо своего...

— Дуня, Дуня, Афимья Федоровна, сюда!
Они вошли. Гостинцев встал и поклонился
им.

— Нравится ли тебе эта девушка, государь
мой? — продолжал старик. — У нее 500 000 ка-
питалу. Надеюсь, что ты не побрезгуешь ею.
Ты ее суженый.

Гостинцев, вне себя от удивления, кланяет-
ся в пояс и божится, что во сне не грезилось
ему такого счастья.

— По рукам же, зятюшко; жена, снимай со
стены Николу. Благословим жениха и невесту.
Целуйтесь, дети.

Дунюшка запрыгала от радости. Их благо-
словили, а потом, потом — что говорить мно-
го! — веселым пирком да и за свадебку. Они
стали жить да быть, да добра наживать. Я там
был, мед пил, по усам текло, а в рот не попа-
ло.

Примечания

1

Родительские субботы — дни поминовения усопших.

[^^^]

Панский ряд — ряд, где продавался «панский», то есть произведенный на фабрике товар.

[^^^]

3

Сидельцы — приказчики, продавцы в лавке.

[^^^]

4

...ВЗЯТЬ В ГОДЫ — ВЗЯТЬ НА ВЫУЧКУ.

[^^^]

...как бушуют в Цареграде янычары. — Янычары — особая часть турецкой армии, созданная в XIV веке из специально воспитанных для нее детей покоренных христианских народов. К началу XIX века янычары превратились в постоянно бунтовавшую вольницу.

[^^^]

6

Достойна — часть церковной службы.

[^^^]

Лисицын А. В. — актер-комик, популярный у демократического зрителя.

[^^^]

«Девушник, или Филаткина свадьба» — комическая опера А. Княжнина (музыка А. Титова) (1809).

[^^^]

Часы — здесь: церковное чтение перед началом обедни.

[^^^]

Фаддея в «Сбитенщике» Княжнина — Фаддей — глупый слуга из комической оперы Я. Б. Княжнина «Сбитенщик» (1783).

[^^^]

...континентальная система, которой Бонапарт хотел подшибить Англию. — В 1806–1814 гг. Франция и ее союзники подчинялись декрету Наполеона, запрещавшему вести торговые, почтовые и др. сношения с Англией, чтобы подорвать ее экономическую мощь и заставить прекратить военные действия против Франции. Эта политика называлась континентальной блокадой.

[^^^]

Вотчина — здесь: технический термин у торговцев, обозначающий лавку (примечание Погодина в журнальной публикации).

[^^^]

Просвирня — женщина, занимающаяся выпечкой просфор (просвир) — хлебцев, употребляемых в церковной службе.

[^^^]

Странные — здесь: странствующие.

[^^^]

Укрух — кусок хлеба, ломоть.

[^^^]

...от француженок с Кузнецкого мосту — из французских модных магазинов, расположенных на Кузнецком мосту — одной из центральных московских улиц.

[^^^]